

// История татар с древнейших времён в семи томах. Том 2. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань, 2006 [сс. 100-115; 1,7 п.л.]

Напольских В. В. (Ижевск)

БУЛГАРСКАЯ ЭПОХА В ИСТОРИИ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И ПРЕДУРАЛЬЯ

I. ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТА СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРЕДУРАЛЬЯ В БУЛГАРСКОЕ ВРЕМЯ.

Несмотря на ограниченность раннесредневековых письменных источников по истории региона, они позволяют хотя бы в общих чертах отследить эволюцию его этнической карты в болгарское время.

Для начала средневековья у нас имеется переданный в труде готского историка Иордана список народов, покорённых готским «королём» Эрменриком / Германариком (жил в середине IV в.), представляющий собой скорее всего какой-то итинерарий (перечисление народов и стран на пути от Балтики на Волгу и далее вниз по ней) первых веков нашей эры. Новейшая публикация «Гетики» Иордана представляет текст списка в следующем виде: “*thiudos: Inaunxis Vasinabroncas Merens Mordens Imniscaris Rogas Tadzans Athaul Nauego Bubegenas Coldas*” [Иордан, 116]. Его следует интерпретировать как сильно испорченный фрагмент текста на готском языке [Анфертьев 1994: 150-151], оригинал которого в части, касающейся интересующих нас территорий от Прибалтики до средней Волги можно восстанавливать примерно как “**piudos: in Aunxis Vas, in Abroncas Merens, Mordens in Miscaris, Ragos stadjans / stadins [Athaul Nauego Bubegenas Coldas]*”¹ и переводить: ‘[покорил] народы: в Аунуксе² – весь, в Абронкасе (?)³ – мерю, мордву в Мещере⁴, [по] Волге⁵ местности [атаул, навего, бубегенов, кольдов]’.

Со стоящим в этом списке на первом месте народом *Vas традиционно принято соотносить предков вепсов (старое самоназвание *βερς* < *vepsä), *Весь* древнерусских источников. Народ этот играл важную роль в международной торговле по волжско-балтийскому пути и, возможно (как принято считать со времён работ К. М. Френа начала XIX в.), продолжает упоминаться затем в арабско-персидских источниках X–XII вв., прежде всего – у Ибн Фадлана (первая половина X в.) под именем *вису* (ويسو): “Царь <булгар> рассказал мне, что за его страной на расстоянии трех месяцев пути есть народ, называемый *вису*” [Ибн Фадлан: 135]. Здесь, однако, имеются некоторые проблемы: в ряде источников более позднего времени (Йакут – кон. XII – нач. XIII в., Закарийа ал-Казвини – сер. XIII в. и др.) сохраняется написание *вису*, тогда как другие, в том числе и весьма ранние авторы (ал-Бируни – первая половина XI в., ал-Марвази – первые десятилетия XII в. [Göckenjan, Zimonyi 2001: 45] и др.) пишут *ису* (ايسو). Написание *ису*, по-видимому, даёт и единственный изданный манускрипт второго после Ибн Фадлана арабского автора, лично получившего информацию об этом народе в Волжской Булгарии – ал-Гарнати [Чураков 2001]⁶. Понятно, что форма *ису* уже гораздо менее напоминает древнерусское название вепсов, *Весь*, и нуждается в иной интерпретации. О проблеме *вису* / *ису* см. также ниже. Нельзя, однако, не отметить, что исчезновение *Веси*, а также и *вису* / *ису* со страниц исторических источников в XIII–XIV вв. связано, видимо, именно с гибелью Волжской Булгарии и с прекращением активной торговли с Севером и Балтикой по Волжскому пути.

Из известных нам народов Среднего Поволжья в списке Иордана имеются, таким образом, лишь упоминания мери и мордвы – при этом в случае с мордвой перед нами экзоэтноним, и нельзя быть уверенным, что под ним скрываются именно мокша и эрзя (присутствие мордовских языков в Среднем Поволжье, однако, чётко маркируется прамордовской формой названия Волги *Raya – см. прим. 5).

Во втором по времени источнике – известном письме хазарского кагана Иосифа сановнику кордовского халифа Хасдаю ибн Шапруту (960-е гг.) отражена ситуация конца

VIII – середины IX в., то есть практически в момент прихода болгар в Среднее Поволжье. Здесь находим следующий список народов: “*Бур-т-с, Бул-г-р, С-вар, Арису, Ц-р-мис, В-н-н-тит, С-в-р, С-л-виюн*”. Названия эти ещё П. К. Коковцов предложил интерпретировать как: *Бур-т-с* – *буртасы*, *Бул-г-р* – *булгары*, *С-вар* – *сувары*, город *Сувар* в Волжской Булгарии, *Арису* – *мордва-эрзя*, *Ц-р-мис* – *черемисы*, *марийцы*, *В-н-н-тит* – *вятичи*, *С-в-р* – *северяне*, *С-л-виюн* – *славяне* в целом или, возможно, новгородские *словене* [Коковцов 1932]. Здесь впервые появляется упоминание *марийцев* – под их старым, по всей вероятности тюркским по происхождению названием *черемисы*: тат. *čirměš*, чув. *šarməš* < тюрк. **čer-* ‘войско’. К мотивации семантики имени *черемис* (‘воинственный’ – ?) в тюркских языках ср. противоположную по значению этимологию имени чуваш: чув. *čəvaš* < тюрк. *jawaš ‘мирный, тихий’ [Räsänen 1969: 175], об этой оппозиции см. ниже.

Предполагается, что и мордва-эрзя здесь впервые упоминается под своим собственным именем, что в общем-то понятно: тюрки (в том числе хазары и булгары), по-видимому, не знали иранского этника **mord-* (см. выше примечание к *Mordens* Иордана), и использовали мордовские самоназвания (ср. тат. *muχšy* ‘мордва (изначально – *мокша*)’, чув. *irše* ‘мордва (изначально – *эрзя*)’. То же находим и в ранних источниках, информация которых происходит из степного, тюрко-монгольского мира: Гийом де Рубрук (сер. XIII в.) упоминает народ *Moxel* (*мокша*, слово получено Рубруком от татар), живущий к северу от Танаиса, за которыми (далее на север) живут “*Merdas*, которых латиняне называют *Merduinis*” (вероятно – *эрзя*, точнее – *мордва* в целом, слово получено, видимо, от русских и соотнесено с известным по византийским источникам термином) [Карпини, Рубрук: 108-109], Рашид ад-Дин (конец XIII – начало XIV в.) пишет о народах *мокша* и *арджан* (видимо, *мокша* и *эрзя*), вообще не используя слова *мордва* [Рашид ад-Дин: 96].

Проблема, однако, состоит в том, что в краткой редакции письма кагана Иосифа Иосифа указывается, что народов, живущих по главной реке хазарской страны – девять (названий их краткая редакция не даёт), тогда как в приведённом выше списке только восемь названий. Поскольку большинство названий совпадают с исторически известными и твёрдо идентифицируются, возникает соблазн разложить имя *Арису* (𐌰𐌹𐌸𐌰) на два составляющих и увидеть в нём сразу два этника: *Ар(у)* и *(В)ису*, которые упоминаются как названия народов и областей, подвластных Волжской Булгарии у ал-Гарнати (см. ниже). В пользу такого чтения есть и существенный филологический аргумент: если бы *Арису* (𐌰𐌹𐌸𐌰) действительно передавало этноним *эрзя*, трудно было бы объяснить появление буквы *йод* в середине слова: ни в самом самоназвании мордвы-*эрзи*, ни в его чувашском производном *irše* на этом месте нет никакого гласного, не видно причин его появления и с точки зрения адаптации к языку и письменности источника. Кроме того, если *Арису* – это *Ар(у)* и *(В)ису*, то и порядок перечисления народов в пространной редакции письма кагана Иосифа становится более логичным: Нижняя Волга – *буртасы*, Казанское Поволжье – *булгары* и *сувары*, Прикамье – *Ару* (см. ниже), там же – *Ису* (см. ниже) или (если *Вису* = *Весь*) вверх по Волге от устья Камы, Нижегородско-марийское Поволжье – *черемисы*, бассейн Оки – *вятичи*, левобережье верхнего Днепра – *северяне*, далее – *славяне* в целом.

В начале XII в. русский летописный свод перечисляет “*инии языци, иже дань даютъ Руси: Чюдъ, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Мордѡва, Пермь, Печера, Емь, Литва, Земигола, Корсь, Норома, Либь*” [ПВЛ I: 13]. Нельзя не заметить некоторого сходства начальной части этого списка с начальной частью готского итинерария Иордана (в особенности, если иметь в виду возможную связь др.-рус. *Чюдъ* с гот. *þiuda* ‘народ’), однако среди народов Поволжья уже утвердились *черемисы* (*марийцы*) и впервые присутствует *Пермь* – уже древнерусский вклад в этнотопонию северо-востока Восточной Европы (← приб.-ф. *perä taa* ‘задняя земля’), название, которым не позднее чем с конца XIII в. обозначаются земли на Вычегде и верхней Каме, населённые в том числе и предками коми. Из народов, населявших в более поздний период северную периферию Волжской Булгарии в названных источниках отсутствует пока прямое упоминание только чувашей и удмуртов. Такому странному отсутствию сведений о двух крупных народах края может быть предложено объяснение

социально-политического порядка (см. ниже), однако и они могут быть хотя бы предположительно обнаружены в источниках.

Первое упоминание если не удмуртов как таковых, то по крайней мере географического термина, который дал начало названию удмуртов в тюркских языках Поволжья (тат. *ar* ‘удмурт’) можно видеть в сообщении Абу Хамида Ал-Гарнати (сер. XII в.) о находящихся к северу от Булгара двух областях, жители которых платят *харадж* (дань, налагавшуюся на немусульман) царю булгар – *Ису* (именно *ису*, а не *вису*, как в русском издании – см. выше и прим. 6) и *Ару*, в которых добывают шкурки бобров, горностаев и белок, и за которыми находится область *Йура* (см. ниже) [Ал-Гарнати: 31-34]. В *Ару* ал-Гарнати можно видеть общетюркскую основу **ar(y)* (> тат. *ary*) ‘та, противоположная сторона’: так по всей вероятности могли называть булгары правобережье Итиля (Белой – Камы – Волги). Позже этот термин стал, видимо, обозначать население за Итилем и основной народ, его составлявший – удмуртов, вследствие чего потомки булгар, татары до сих пор называют удмуртов *ar* то есть, собственно, ‘заречане’ [Белых 1996]. Область *Ару* Ал-Гарнати, однако, ещё вряд ли следует соотносить специально с удмуртами (и уж тем более нет никаких оснований видеть здесь упоминание придуманного местными учёными «удмуртского княжества» с центром в Арске) – скорее всего в болгарскую эпоху это название относилось к обширным областям правобережья нижней Камы, Вятско-Камского междуречья и Верхнего Прикамья, которые находились или под непосредственным контролем Волжской Булгарии, или, во всяком случае, в сфере её экономического и политического влияния (см. ниже).

Если принять предложенное выше чтение названия *Арису* письма кагана Иосифа как *Ar(y) + (V)isu*, то в сообщении ал-Гарнати можно видеть упоминание тех же двух этниконов. Применение понятия “заречье” (тюр. **ar(y)*) к землям за Итилем ещё в IX в. (время происхождения информации письма кагана Иосифа), то есть практически в период появления булгар в Прикамье выглядит даже более естественно, чем в XII в., когда булгары в той или иной мере уже освоили закамские территории. Однако, в то время как для *Ару* имеется вполне приемлемая этимология, для *Ису* – если принимать именно такое чтение и, соответственно, отрицать связь данного этникона с именем вепсов – ничего вразумительного предложить пока не представляется возможным. Локализовать страну *Ису* следует к северу от Булгарии, в 20 (по ал-Марвази) или 30 (ал-Гарнати) днях пути – информация также ничего не дающая, поскольку не ясно, какие дни пути имеются в виду: на судах по реке, пешком, верхом или зимой на лыжах с собачьими нартами. Возможность того, что *Ису* – это Верхнее Прикамье, район распространения родановской и полемско-чепецкой культур (гипотеза впервые предложена, кажется, независимо М. В. Талицким [Талицкий 1941: 47] и Р. Хеннигом [1961: 251] и поддерживается сегодня различными исследователями) вполне допустима, учитывая указанное расстояние, посредство *Ису* в болгарской торговле с *Йурой*, время упоминания *Ису* в источниках и характер взаимоотношений *Ису* с Булгарией (см. ниже), но пока нет возможности осуществить ономастическую привязку этого этникона или пока не удастся найти новых, более конкретных аргументов в пользу этой версии, она останется недоказуемой. Точно так же следует пока признать нерешённой проблему соотношения названий *Вису* и *Ису* в арабско-персидских источниках: не исключено, что здесь имеет место, например, контаминация имени вепсов и какого-то неизвестного названия из Верхнего Прикамья. Для решения этих вопросов требуются дальнейшие специальные разыскания.

Предки чувашей впервые упоминаются, по-видимому, только в русском источнике начала XIII в. – в «Слове о погибели Русской земли»: “*Буртаси, Черемиси, Веда и Морьдва бортьничашу на великого князя Володимера*”. Название *Веда* «Слова о погибели...» представляет собой заимствованное в древнерусский язык мордовское название чувашей *veŕke* (основа *ved’-* – ср. *vedeń* ‘чувашский’) [Мокшин 1991: 33–34]. Этимология этого названия не ясна: предполагаемая Н. Ф. Мокшиным связь его с названием территориальной группы удмуртов *Ватка* невозможна, поскольку последнее заимствовано из русского *Вятка*,

и называть себя так чепецкие удмурты стали безусловно гораздо позднее времени фиксации мордовского названия чувашей в «Слове о погибели...» (см. также ниже и прим. 12). Можно предполагать связь с морд. *ved'* 'вода', если этим словом в мордовских языках могли в прошлом назвать большую реку, например Волгу (это, впрочем, остаётся всего лишь предположением), тогда *vetke* – 'поречане, живущие на большой реке'. С другой стороны, возможна связь с названием славянского племени *вятичей* (в конечном счёте – от того же слав. **vet-* 'большой', что и название реки *Вятки*, хотя кроме выведения их от одной основы ничего общего в происхождении двух этих имён нет), которые фиксируются рядом с мордвой-эрзей уже в письме кагана Иосифа (см. выше), но в этом случае надо предполагать заимствование в мордовский уже после падения носовых в восточнославянском (что допустимо) и перенос названия со славян-вятичей на чувашей (что трудно объяснить).

Таким образом, можно констатировать, что к концу болгарской эпохи, в XIII веке, в Среднем Поволжье и Предуралье уже в том или ином виде присутствовали все местные финно-угорские народы и чуваша. По всей вероятности, именно существование в регионе мощного государственного образования, его экономическое, политическое и культурное влияние сыграли решающую роль в оформлении этнической карты края.

Нельзя не сказать и о расширении границ земель, известных арабско-персидским географам на севере в болгарское время: по-видимому, начиная с сообщения Ибн Фадлана (предположение Б. Н. Заходера [Заходер 1967: 59] о более раннем источнике этих сведений пока ничем не подтверждено) далее на север за народом *Вису* (см. выше) упоминается страна и народ *Йура*, ведущий торговлю мехами с купцами из *Вису* и Булгарии, которые добираются на север по снегу на санях, влекомых собаками (у ал-Бируни, ал-Марвази и ал-Гарнати в XI–XII вв. в функции посредников выступают *Ису* – см. выше, а в качестве средства путешествия описываются и лыжи [Ал-Гарнати: 31-35; Göckenjan, Zimonyi 2001: 262] – чуть ли не впервые в арабско-персидской литературе!); за *Йура* находится море мрака, на берегах которого живут дикие люди, и где добываются клыки некоей рыбы (имеется в виду морж), пригодные для изготовления разных поделок [Заходер 1967: 59-69]. В этом северном народе *Йура* следует видеть *Югру* древнерусских источников – страну и её население на крайнем северо-востоке владений Новгорода, вероятно – в левобережье нижней Оби (о локализации и этноязыковой привязке *Югры* см. [Напольских 1998]). Поскольку эта тема появляется в сообщениях путешественников, непосредственно побывавших в Булгарии (Ибн Фадлан прямо сообщает о получении информации о Севере от самого болгарского царя), источник этих сведений понятен: именно торговая активность болгарских купцов расширила северные границы ойкумены для всего мусульманского мира⁷.

II. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ С ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИЕЙ И ФОРМИРОВАНИЕ НАРОДОВ КРАЯ.

С началом болгарской эпохи в Среднем Поволжье необходимо должны были произойти существенные изменения в расселении, в экономической, социальной, военной и культурной жизни финно-угорских народов региона. Племенной верхушке местных, преимущественно финно-угорских по языку народов предстояло в IX–X вв. решить впервые возникшую перед ней политическую задачу: выработать и провести в жизнь стратегию взаимоотношений с возникшим в регионе государственным образованием, Волжской Булгарией. Появление в Среднем Поволжье первого государства с определяемой им стабильной военно-политической обстановкой, интенсивным развитием экономических связей и вместе с тем – с неизбежной прямой и косвенной эксплуатацией местного населения – имело для местной элиты и плюсы и минусы и могло сформировать два направления её поведения. С одной стороны должно было иметь место стремление сохранить независимость, то есть – власть местной племенной верхушки над соплеменниками, а для этого – попытаться защититься (едва ли такие попытки могли быть успешными при очевидном

военно-политическом неравенстве сторон), или по крайней мере как-то дистанцироваться и в идеале просто уйти от державного соседства. С другой стороны, представители местных племенных верхов могли попытаться интегрироваться в экономическую, а возможно – и в политическую систему государства и попробовать извлечь из этого определённые выгоды: опираясь на эту систему и оказывая ей определённые услуги, закрепить своё господство над соплеменниками, придать ему регулярный характер.

Несмотря на отсутствие прямых письменных источников, даже по косвенным лингвистическим и археологическим данным можно предположить, какой вариант поведения избрала верхушка того или иного из перечисленных выше народов края, живших в Поволжье и Предуралье к началу болгарского времени.

Как было показано С. К. Белых [Белых 1999], район обитания носителей пермского праязыка (языка-предка удмуртского и коми) должен был в конце I – начале II тыс. н. э. находиться в Среднем (Пермско-Сарапульском) Прикамье (районы распространения наследующих камской гляденовской культуре ломоватовской, неволинской и полемско-чепецкой археологических культур). Именно из этих районов (Верхнее и Среднее Прикамье, бассейны Сылвы и Чепцы), согласно наблюдениям археологов, наблюдается в IX–X вв. значительный приток населения на территорию Волжской Булгарии, принесшего туда, в частности, прикамские формы керамики [Хлебникова 1984: 223–225; Белавин 1990]. Имеющиеся попытки интерпретации этих фактов в археологической литературе (обзор см. [Иванов 1998: 107–109]) ограничиваются в основном гипотезами о выводе на нижнюю Каму и среднюю Волгу среднекамских жителей булгарами, нуждавшимися в земледельческом населении на захваченной ими территории. Отрицать правомерность такого предположения невозможно, но следует при этом иметь в виду и интересы самого этого населения: образование в Среднем Поволжье болгарского государства означало для прикамских земледельцев-пермян возникновение возможности стабильного ведения земледельческого хозяйства в условиях, определяемых своего рода «общественным договором» с правителями Волжской Булгарии. Такая перспектива не могла не быть привлекательной как для населения в целом, так и в особенности для племенной верхушки, которая при вращении в социальную структуру болгарского государства гарантировала себе господство над соплеменниками. Естественно, необходимо учитывать и выгоды торговли по Волге, культурного обмена, относительную защищённость от по крайней мере случайных грабительских набегов степняков и т. д.: факторов, которые привлекали прикамское население в Булгарию было достаточно много, и отмеченное переселение не следует объяснять только насилием со стороны болгар. Очевидно, те же самые факторы действовали не только для верхне- и среднекамского населения, но и для пермян, обитавших к моменту прихода болгар на нижней Каме и её притоках, которые также могли вливаться в состав формирующихся пермоязычных территориальных групп в составе населения Волжской Булгарии.

По-видимому, с формировавшимися таким образом в IX–X вв. пермскими группами на нижней Каме и её притоках и следует связывать начало сложения удмуртов и бесермян. Первоначальным центром этого района могло быть Елабужское городище [Казаков 1997: 39], затем – удельный центр Казанского ханства Арск, где, по преданиям местного удмуртского населения, жил *удмурт эксэй* ‘удмуртский царь’⁸ и где имеются субстратные ойконимы удмуртского происхождения. Именно на нижней Вятке должны были столкнуться марийцы с носителями самоназвания **odz-mort* (> удм. *udmurt*), от которого происходит марийское название удмуртов *odo-mari* [Напольских, Белых 1994.]. Отсюда позднее, в XIV–XV вв., по-видимому одновременно с переселением болгарских групп – предков чепецких (нукратских, каринских) татар (о нём свидетельствует болгарская эпитафия XIV в. из с. Гордино на Чепце), предки удмуртов и бесермян также проникают на север, на нижнюю Чепцу, где складывается группа удмуртов-*Ватка*, до второй половины XVI в. (см. прим. 8) подчинявшаяся татарским каринским арским князьям и образовавшая основу чепецких удмуртов. Здесь же следует помещать и исходную территорию миграций на северо-восток предков другой территориальной группы удмуртов – *Калмез*, расселившихся в бассейне р. Кильмезь. В ходе

этих переселений предки удмуртов ассимилировали пермское население Вятско-Камского междуречья (см. ниже).

Примерно в то же время, когда часть пермян переселяется со средней Камы на нижнюю, в пределы Булгарского государства, другая их часть выбирает противоположную стратегию «ухода», и сдвигается на нижнюю и среднюю Вычегду и её притоки, где складывается вымская культура X–XIV вв., соотносимая обычно с летописной Пермью Вычегодской, предками коми-зырян [Савельева 1985: 13-19]⁹. Собственно, речь идёт скорее даже не столько об уходе, а об иной экономической, политической и культурной ориентации: для прикамского населения, переместившегося на Вычегду большее значение имели связи не с Булгарией, а с Русью, причём интенсивность этих связей непрерывно нарастает и в них вовлекается и население Верхнего Прикамья. В дальнейшем это находит отражение в замещении в коми языке потенциальных булгаризмов заимствованиями из (древне)русского языка [Насибуллин 1992], крещении предков коми и, в конечном счёте, в распаде пермского языкового единства [Белых 1995].

Часть пермского населения Среднего и Верхнего Прикамья оказывается в тесной связи с булгарами, оставшись на прежних местах своего обитания: в бассейне Чепцы и на верхней Каме к IX–X вв. складывается целая сеть укрепленных поселений (памятники типа Анюшкара и Рождественского городища на верхней Каме, Иднакара и Дондыкара на Чепце)¹⁰, на которых очевидно присутствие более (на Каме) или менее (на Чепце) заметного булгарского населения. Судя по характеру укреплений, которые не могли служить для обороны против правильно ведущейся профессиональным войском осады (обратим внимание на такой оборонительный недостаток городища Иднакар, например, как отсутствие источника воды на нём), по относительно небольшой площади этих поселений, по отсутствию на них следов каких-либо политарных органов, резиденций правителей и т. п., и учитывая многие другие соображения, ясно, что эти городища представляли собой по сути дела возникшие на территории местных племенных центров городки-фактории, управляемые, возможно, местной знатью с опорой на присутствующую там группу булгар или (см., например, Рождественское гор. с его мусульманским кладбищем, мусульманские могилы на Анюшкаре, возможные мусульманские захоронения на гор. Иднакар и др. [Ленц 1999; Крыласова, Белавин, Ленц 2003]) непосредственно такими военно-купеческими булгарскими группами. Основным предназначением этих факторий был скорее всего сбор пушнины, её складирование и подготовка к отправке в Булгарию – правомерно было бы поставить вопрос: можно ли говорить о равноправной торговле добывавшего пушнину местного населения с булгарами, сопоставимы ли объёмы импортных (булгарских и восточных вообще) ценностей, находимых на городищах с объёмом добывавшихся местным населением и концентрировавшихся на этих городищах мехов (широко известно обилие костей неполовозрелых бобров на Иднакаре, свидетельствующее о массовом истреблении пушных зверей – ср., например, резко контрастирующую с этим единичность находок восточных серебряных монет непосредственно на городищах [Иванов 1998: 110-113, 128-130, 143]). Естественно, на этих факториях жили и обслуживающие нужды их обитателей и окружающего населения ремесленники, развивались ремесло и торговля.

Базовая связь верхнекамско-чепецких городищ с Волжской Булгарией очевидна уже судя по самому времени их существования: их рост начинается в IX–X вв. одновременно со сложением булгарского государства, упадок наступает в XIII в. в период монгольского нашествия и первого разгрома Булгарии, а к концу XIV в. практически все эти городища окончательно прекращают своё функционирование – одновременно с гибелью Волжской Булгарии как самостоятельного политического и экономического образования. Примечательно, что до сих пор никому по-настоящему не удалось объяснить причину такого внезапного конца верхнекамско-чепецких городищ (кстати, практически отсутствуют и более или менее точные датировки гибели отдельных городищ!): все археологические размышления по этому поводу сводятся разве что к фиксации на поселениях наконечников стрел, следов пожара и т. п., что, естественно, ещё не доказывает гибель городищ в

результате их разгрома. Причиной был, видимо, не мнимый разгром сразу всех верхнекамско-чепецких городищ неизвестной монгольской (или русской) зондеркомандой, а гибель Волжской Булгарии и исчезновение вместе с ней экономической, социально-политической и военной базы этих центров.

По всей вероятности, основное население верхнекамско-чепецких городищ, происшедшее с территории пермской прародины (см. выше) говорило на диалектах позднепрапермского языка, которые, благодаря активной культурно-экономической позиции этого населения, должны были контактировать с одной стороны с доудмуртскими пермскими диалектами с территории Волжской Булгарии, а с другой – с более северными докоми диалектами верхней Камы и Вычегды, благодаря чему обеспечивалась лингвистическая непрерывность позднепрапермского языкового континуума в IX–XII вв. [Белых 1995а]. Думается, не имеет смысла пытаться аттестовать эти диалекты как предковые специально для (северно)удмуртского или коми(-пермяцкого) языков, как это делается в археологической литературе: во-первых, для названного периода едва ли возможно провести такую границу в принципе (окончательный распад прапермского единства следует датировать во всяком случае не ранее начала XIII в. [Белых 1999: 252-253]). Во-вторых, такой дихотомии просто не существует: в финальный период существования прапермской общности могли и должны были существовать многочисленные диалекты, кристаллизация которых в удмуртский и коми языки происходила позже в ходе не дивергентных, а интеграционных социальных процессов (аналогичным образом, например, абсурдно было бы называть язык северян русским или украинским, или язык кривичей – русским или белорусским)¹¹.

Как было уже указано выше, есть возможность допускать, что создатели верхнекамско-чепецких городищ были известны в арабско-персидских источниках как народ и страна *Ису* – возможно, именно данное слово отражает не дошедшее до нас самоназвание этого населения. Посредничество *Ису* в болгарской торговле с *Йурой*, о котором сообщают источники, возможно отражает тот факт, что древнепермское население, по-видимому, ещё в XI–XII вв. проникало на нижнюю Обь, в район, где следует помещать летописную *Югру*, и оставило там памятники в виде городищ Перегребное I и Шеркалы I/2, близких вымским и родановским [Пархимович 1991]. Именно из какого-то пермского (прапермского) диалекта было заимствовано и само название *Югра* в древнерусский, а оттуда – в болгарский язык (см. прим. 7).

После разрушения системы верхнекамско-чепецких городищ в период гибели Волжской Булгарии, в условиях прерыва старых торговых связей и вообще достаточно нестабильного в военном, политическом и экономическом отношении периода конца XIV – XV вв. их жители должны были перейти к жизни малыми земледельческими поселениями вдали от больших рек, чем и объясняется загадочный хиатус в археологических памятниках на значительной части указанной территории в указанное время. Единичные городища могли какое-то время продолжать своё существование уже как сугубо местные оборонительные и политические центры, но со временем население начинает тяготеть к новым, складывающимся или усиливающимся уже только к началу XV вв. центрам: русской Вятской земле и центру татарских арских князей в Карино – на Чепце – и к выросшему на крайней периферии ареала верхнекамско-чепецких городищ, в контактах с Зауральем, Вычегдой и Новгородом центру в Чердыни – Великой Перми. Таким образом парапермяне-потомки создателей верхнекамско-чепецких городищ входят в состав северных удмуртов-*Ватка* (т. е., вятских удмуртов, удмуртов Вятской земли¹²) и коми-пермяков, населения Великой Перми.

Принципиально возможным было также вступление местной финно-угорской племенной верхушки в союзнические, прежде всего военные отношения с булгарами на территориях, которые не могли быть по тем или иным причинам поставлены под непосредственный контроль болгарской администрации, но при этом являлись важными в военно-политическом отношении – подобно поселениям германцев и других варваров-

федератов на границах Римской империи. Такая ситуация могла сложиться на землях между Булгарией и Русью в Среднем Поволжье, на территории современной Башкирии – на восточной периферии Волжской Булгарии и в болгарско-хазарском пограничье на юге. Для рассмотрения истории финно-угорских народов особенно интересен северо-запад болгарских земель, лесной ветлужский край на левобережье Волги. Эти земли в сер. I тыс. н. э. заселяются продвигавшимися сюда с юго-запада племенами, оставившими памятники типа Младшего Ахмыловского могильника, которые в VIII в. достигают Вятки, ассимилируют местное постазелинское население и таким образом составляют основу для сложения марийского народа [Никитина 1996]. Эти территории не представляли большого интереса для болгар, поскольку – в отличие, например, от Вятки и Камы или Волги – не слишком удобные для судоходства реки края не образовывали путей ни к пушным богатствам Сибири, ни к Балтике и Западной Европе. Однако, с другой стороны, необходимо было учитывать опасность военных экспедиций и последовательной экспансии Руси на этом направлении.

В этих обстоятельствах силы, которые необходимо было бы затратить для установления прямого контроля и управления над древнемарийским населением едва ли оправдывали те выгоды, которые от такого установления можно было бы получить: рациональнее было просто иметь это население в роли своего рода федератов-союзников при возможных конфликтах с Русью. Правобережье же Волги, современная Чувашия, подвергалось более интенсивной болгаризации, поскольку между этими территориями, представлявшими к тому же большую ценность для развития сельского хозяйства, и Русью лежали ещё мордовские земли, выполнявшие роль буферной зоны.

Видимо, в этих различиях, а также, возможно, в остающихся нам неизвестными особенностях политики местной племенной верхушки и лежит причина расхождения путей этноязыкового развития предков марийцев и чувашей в болгарскую эпоху. Сложение обоих этих народов на едином в культурном и антропологическом отношении субстрате не подлежит сомнению: об этом однозначно говорит и близость антропологических типов, представленных у чувашей и марийцев, и особенности материальной культуры, начиная от традиционного костюма и пищи и кончая музыкальными инструментами (причём здесь принципиально важна общность не только внешних форм, но и терминологии), и, наконец, само горномарийское название чувашей *suasla marê* букв. ‘татарский мариец’. Обилие чувашских заимствований в марийском языке [Räsänen 1920] указывает на то, что, собственно говоря, марийцы сложились в результате того же процесса болгаризации местного (скорее всего финно-волжского по языку) населения, что и чувашаи, только в случае с марийцами процесс языковой ассимиляции не дошёл до конца. Аналогию этой этноисторической ситуации можно найти, например, на Балканах: албанский язык содержит, наверное, не меньше разновременных романских элементов, чем арумунские диалекты, но процесс превращения его в романский язык всё-таки не завершился.

Здесь вновь уместно вернуться к рассмотренной выше оппозиции этнонимов *черемис* < тюр. *çer- ‘войско’ и *чуваши* < тюр. *jawaš ‘мирный, тихий’. Эта оппозиция довольно точно соответствует роли, которую играли оба народа в более позднее время в противостоянии Москвы и Казани, но, судя хотя бы по фиксации первого этнонима уже в письме кагана Иосифа в X в. (происхождение информации – на век раньше), может быть транспонирована и в болгарскую эпоху и отражать позицию племенной верхушки обеих групп во взаимоотношениях с булгарами (ср., например, термины *мирные* и *немирные инородцы* по отношению к сибирским и кавказским народам в русском языке XVIII-XIX вв.).

Позиция племенной верхушки мордвы в ситуации складывающегося противостояния Руси и Булгарии была, видимо, в некоторой части близка марийской. Мордовский князь Пургас по русским летописным сообщениям в начале XIII в. неоднократно и весьма успешно воевал против русских, но второй известный нам по летописным источникам мордовский персонаж, Пуреш / Пурейша, имевший, возможно, половецкое происхождение, напротив, воевал против Пургаса и находился в договорных отношениях с Юрием Долгоруким [Мокшин 1991: 38-41]. В дальнейшем и у мордвы и у

марийцев такая поляризация в политической ориентации (на Русь или на Булгарию, позже – Казань) отдельных групп углубляется.

Рассмотрение истории народов Поволжья и Предуралья в ракурсе их различных взаимоотношений с Волжской Булгарией позволяет дать предположительное объяснение отмеченному выше странному отсутствию удмуртов и чувашей в ранних письменных источниках. Именно для этих двух народов следует предполагать наиболее последовательную интеграцию в состав населения Булгарии, в котором они по всей вероятности заняли определённую социально-экономическую, сословную нишу. Поскольку источники, которыми мы располагаем – внешние по отношению к Булгарии (собственно болгарских документов кроме эпитафий у нас нет, свидетельства арабских и персидских авторов, хотя порою и получены на месте, также представляют собой всё-таки «взгляд со стороны»), не удивительно, что органично включённые в болгарское общество предки удмуртов и чувашей просто оставались не замечены внешними наблюдателями, а если и попадались им на глаза, то воспринимались не как иноэтнические и иноязычные, самостоятельные в военном и политическом отношении единицы, а просто как социальные группы внутри болгарского народа, вследствие чего не было необходимости отмечать их присутствие.

Переходя к третьей части очерка, имеет смысл проиллюстрировать здесь, как нюансы лингвистического анализа болгарских заимствований в финно-угорских языках могут помочь в реконструкции средневековых взаимоотношений носителей этих языков и болгар. В удмуртском языке имеется слово *vit-kerś* ‘подушная подать, налог’, являющееся композитом, второй компонент которого, *kerś* считается болгарским заимствованием – ср. чув. *χirās / χirsā* ‘подушная подать, общественные сборы’; это слово, в свою очередь, является арабским заимствованием, и традиционно его выводят из араб. *ḥarāj* (خراج) ‘поземельный налог, подушная подать с немусульманского населения’ [Wichmann 1903: 73–74]. Налог *харадж* по сообщению арабско-персидских источников якобы платили северные соседи (см. о *Вису* и *Апу* выше) царю болгар. Казалось бы, всё ясно, но здесь есть, однако, одна тонкость: дело в том, что выводить чув. *χirās / χirsā* (и, соответственно, удм. *kerś*) из араб. *ḥarāj* с долгим *ā* во втором слоге трудно: долгий гласный должен был сохраниться как полный (скорее всего *u* или *i*) в чувашском, но никак не редуцироваться до нуля! Источником болгарского и затем – чувашского и удмуртского слов могло быть араб. *ḥarj* (خرج) ‘расход; паёк; дань, подать’ (предложено как возможная альтернатива в [Róna-Tas 1982: 762]) – слово, которое уже не имеет специального значения ‘подушная подать с немусульманского населения’, и обозначавшее не тот вид сборов, который якобы платили царю болгар жители северных земель. Этот вывод согласуется с высказанным выше предположением о включении предков удмуртов и чувашей в болгарскую социальную структуру. Весьма показательны и то, что, как и многие другие болгаризмы (см. ниже), это слово заимствовано и в марийский язык – язык предполагаемых «федератов» Булгарии – и в совершенно ином значении: мар. *arāše*, (Г) *ärāšā* ‘должник’: к предкам марийцев арабский термин *ḥarj* в значении ‘подать’ не применялся и был им не знаком!

III. БУЛГАРСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ ПОВОЛЖЬЯ И ПРЕДУРАЛЬЯ.

Заимствования из болгарского языка в финно-угорские языки изучены довольно хорошо и позволяют говорить о целой эпохе в истории языков региона и, соответственно, в культурном развитии народов (здесь и далее материал даётся в основном по классическим работам [Paasonen 1897; Wichmann 1903; Räsänen 1920]). Основные фонетические черты болгаризмов, позволяющие отделять их от заимствований из других тюркских языков, прежде всего – из татарского, следующие:

– *r* на месте общетю. *z < *R > чув. *r*, как в удм. *bultjr* ‘золовка; вторая (младшая) жена’ ← булг.: чув. *pultâr* < тю. *baldyR > тат. *baldyz* ‘золовка’;

– *ś* (мар. *s*) или *ś* в начале слова и в интервокальном положении на месте тю. *j (/ *č / *ǰ) > чув. *ś* или (реже) *č* (в болгарском языке предполагается два диалекта-источника заимствований: в одном имело место развитие *j > *ǰ / *ž > *ś*, в другом – *j > *ǰ > *č* [Rédei, Róna-Tas 1972: 292]), как в удм. *śulik*, мар. *solâk* ‘платок, головное полотенце’ ← булг.: чув. *śulâk* < тю. *ǰaulyq > тат. *ǰaulyq* ‘платок’;

– *ś* на месте общетю. *č > чув. *ś*, как в удм., коми *kisś*, мар. *is* ‘бердо’ ← булг.: чув. *ǰâś* ‘нож; бердо’ < тю. *ǰulyč ‘клинок, сабля’ > тат. *ǰulyč*;

– ноль на месте общетю. интервокального **-l-* > чув. ноль, как в предыдущем примере и в удм. *ken* ‘сноха’ ← булг.: чув. *kin* < тю. *kelin > тат. *kilen* ‘сноха’;

– *r* на месте тю. *δ в интервокальном положении (> *-j-* / *-d-* в большинстве тюркских языков) > чув. *r* (ср. тю. *adaq ‘нога’ > тат. *ajaq*, чув. *ura*), как в удм. *kjrsi*, мар. *kârška* ‘зять’ ← булг.: чув. *kârü* < тю. *küδägü > тат. *kejäü* ‘зять, жених’;

– *j-* на месте тюркского вокального начала слова > чув. *jV-*, как в удм. *jĵran*, мар. *jĵraŋ* ‘межа, борозда’ ← булг.: чув. *jĵran* ‘межа, грядка’ < тю. *yRaŋ > тат. *uzaŋ* ‘межа’;

Значительное количество заимствований из языка болгарского типа имеется также и в венгерском языке, они проникли в него ещё до завоевания венграми родины, в эпоху интенсивных контактов древних венгров с тюркскими племенами в степях Северного Кавказа и Причерноморья (материал здесь и далее даётся по классической работе [Gombocz 1912]). Хотя для этих заимствований характерны в целом те же особенности, что и для болгаризмов в пермских и волжско-финских языках, можно наметить некоторые различия в языке / языках болгарской группы, с которыми контактировали венгры и языком волжских болгар, с которыми контактировали пермяне и волжские финны. Например, отмеченному выше двойному диалектному отражению тю. **j-* как **ś-* и как **č-* в языке волжских болгар соответствует двойное же отражение этого звука в языке-источнике венгерских болгаризмов, однако, если **j-* > **ś-* отражено так же (венг. *szél* ‘ветер’ ср. удм. *śil* в *śiltel* ‘буря’ ← булг.: чув. *śil* < тю. *jel > тат. *ǰil* ‘ветер’), то **j-* > **č-* отражено в венгерском как звонкое **ǰ-* (венг. *gyékény* ‘камыш, цыновка’ ср. удм. *śakan* ‘рогожа’ ← булг.: чув. *čakan* < тю. *ǰäkän > тат. *ǰikän* ‘камыш’) – то есть соответствует, видимо, более ранней стадии развития болгарского языка, до оглушения начальных смычных и аффрикат. Общетю. *č ещё не перешло в языке-источнике венгерских болгаризмов в *ś, и отражается как твердая (> венг. *s*) или мягкая (> венг. *cs*) аффриката типа *č. Эти и некоторые другие особенности венгерских болгаризмов указывают на более архаичный, менее продвинутый в «чувашском» направлении характер их языка-источника по сравнению с языком волжских болгар, что, собственно говоря, соответствует и исторической хронологии: интенсивные контакты древних венгров с болгароязычными тюрками имели место как минимум на два-три столетия раньше, чем контакты болгар с языками Поволжья и Приуралья.

Поскольку отмечаемые в болгаризмах финно-угорских языков черты присутствуют в современном чувашском языке, некоторые исследователи называют их «чувашскими» заимствованиями. Хотя принадлежность языка-источника этих заимствований к той же группе, что и чувашский язык, отличие его в этом отношении от других тюркских языков и возможность рассмотрения его как прямого предка чувашского языка несомненны, корректнее всё-таки использовать термин *болгарские* заимствования, отделяя тем самым слова, попавшие в финно-угорские языки из болгарского языка, от более новых заимствований из собственно чувашского, которые во множестве присутствуют в марийском языке, а также имеются в мордовских и удмуртских диалектах. Хотя проблема стратификации болгарско-чувашских заимствований весьма далека от своего решения, можно предварительно обозначить некоторые критерии, позволяющие отделить более поздние чувашизмы от старых болгаризмов:

– в лугово-восточном марийском языке в старых болгаризмах тюрк. **q-* > чув. *χ-* отражается как ноль, в горномарийском – как ноль или *χ-* (это различие также позволяет провести стратиграфическую границу – см. ниже), например мар. *oza*, (Г) *χoza*, удм. *kužo*, морд. *koža* ‘хозяин’ ← булг.: чув. *χuša* ‘хозяин’. Так же – в приведённом выше мар. *arāše*, (Г) *ārāšə*, Л ‘должник’ ← булг.: чув. *χirāš / χirsā* ‘подушная подать, общественные сборы’; в противоположность этому мар. *karāz* ‘подать, ясак’ должно рассматриваться как позднее заимствование из собственно чувашского чув. *χirāš / χirsā*, а не из болгарского языка, поскольку чув. *χ-* отражено здесь в луговом марийском как *k-*;

– в венгерских болгаризмах отсутствуют следы чувашской протезы *v-* в старых словах с вокальным анлаутом, как в венг. *ökör* ‘бык, вол’ ← булг.: чув. *vākār* < тюрк. *ökür* ‘бык’. В марийском языке чув. *vV-* < **V-* всегда передаётся как *w-*, и с этой точки зрения марийские болгаризмы выглядят либо поздними, либо переоформленными на чувашский манер в ходе продолжавшихся чувашско-марийских контактов. В удмуртском же языке можно найти, с одной стороны, удм. *uše* ‘послезавтра (на третий день)’ ← булг.: чув. *viššə* < тюрк. **üç* > тат. *öç* ‘три’, и, с другой стороны, удм. *veme* (также мар. *wime*) ‘помочь’ ← булг.: чув. *wime* < тюрк. **ümäg* > тат. *öme* ‘помочь’.

Вообще, по-видимому, хотя число болгарских и чувашских заимствований в марийском языке чрезвычайно велико (примерно полторы тысячи) и на порядок превышает число болгаризмов в удмуртском (до двух сотен), мордовских и коми (около двух десятков) языках, это следует объяснять не давним возрастом контактов, а их непрерывностью и интенсивностью, особенно – уже в постболгарское время. В марийский болгаризмы начинают поступать относительно поздно (по мнению М. Ряснана – едва ли раньше XIII в.): слова, в которых тюрк. **q-* > чув. *χ-* отражается как ноль и в луговом, и в горномарийском языке заимствовались в XIII в., поскольку среди них есть монгольские по происхождению, например мар. *orol*, (Г) *orolə* ‘охрана’ ← булг.: чув. *χural* ← монг. *qarayul* ‘караул’, в более позднее время в горномарийском языке под чувашским влиянием развился звук *χ*, и появились заимствования типа мар. *ola*, (Г) *χala* ‘город’ ← булг.: чув. *χula* ← араб. *qal‘a* – их следует, таким образом, датировать самое раннее XIII–XIV вв. (о дискуссии по поводу стратификации болгаризмов в марийском и основные аргументы см. [Róna-Tas 1982: 768–771]).

Пермские языки вступили в контакт с болгарским, видимо, раньше, ещё в эпоху пермского единства (т. е. во всяком случае – до XIII в., а если верить глоттохронологическим подсчётам – до начала XII в. [Белых 1999: 256]. А. Рона-Таш и К. Редей предложили считать результатом прапермско-болгарских контактов (начало которых они датируют – опираясь на сугубо экстралингвистические соображения – IX веком; позже Рона-Таш пытается привести лингвистические аргументы в пользу датировки X в., но его аргументы несостоятельны [Róna-Tas 1982: 761]) лишь те болгаризмы, которые представлены не только в удмуртском и в коми-пермяцком языке, но и в коми-зырянских диалектах; таких слов они насчитали 19 и ещё 3 под сомнением. В коми-пермяцких диалектах эти же авторы находят ещё 9 соответствий удмуртским болгаризмам, не имеющих параллелей в коми-зырянских [Rédei, Róna-Tas 1972; 1975]¹³. В удмуртском же, как уже было сказано, болгарских и чувашских заимствований до двух сотен, причём, в числе их – названия городов, которые могли быть актуальны для предков удмуртов не раньше, чем во второй половине XIV в.: Москвы (удм. *Musko*) и Казани (удм. *Kuzon* – здесь, впрочем, возможен и татарский источник). Следовательно, непосредственные удмуртско-чувашские контакты продолжались по крайней мере до конца XIV в.

В принципе картина распределения болгарских заимствований в пермских языках соответствует обрисованному выше предполагаемым взаимоотношениям прапермских групп предков коми и удмуртов с Волжской Булгарией: два-три десятка заимствований, попавших и в удмуртский, и в коми диалекты могут восходить к контактам болгар и жителей верхнекамско-чепецких средневековых городищ в IX–XIII вв., а обилие заимствований в

удмуртском заставляет предполагать весьма тесные и более продолжительные связи с булгарами.

В мордовских языках болгарские заимствования, видимо, немногочисленны: известно около двух десятков, однако, тема эта исследована явно недостаточно (ср. аналогичную оценку в [Róna-Tas 1982: 766-767]), и главной до сих пор остаётся старая работа Х. Паасонена [Paasonen 1897], но их происхождение из языка чувашского типа несомненно, см., например: морд. М *ajāra* ‘прохладный, холодный’ ← булг.: чув. *ujar* < тю. *ajaR > тат. *ajaz*; язык чувашского типа как источник заимствования – вне сомнения, но предположение Паасонена об очень старом возрасте заимствования (до начала перехода *a > *ā > *o* > *u* в болгарском) едва ли справедливо: *a* может быть мокша-мордовской инновацией¹⁴.

Переходя к рассмотрению культурного контекста болгарских заимствований в волжско-финских и пермских языках, следует прежде всего отметить, что часто во все языки региона параллельно заимствовались одни и те же болгарские слова, более того, многие из них были заимствованы и в венгерский (см. несколько примеров выше). Так, из 31 предполагаемого прапермского болгаризма (по максимальному списку Редее и Рона-Таша, включая и отражённые только в коми-пермяцких диалектах – см. выше) примерно половина (от 15 до 18) слов были заимствованы и в марийский, от 3 до 5 имеют параллели также в мордовских и венгерском языках. Если же сравнить списки болгаризмов только в удмуртском и марийском языках, то доля совпадений будет ещё выше. Этим косвенно подтверждается, что речь идёт не просто о случайном заимствовании отдельных слов, а о системном культурном влиянии болгар на финно-угорские народы, влиянии, которое было более или менее однотипным в разных регионах и в разные периоды. Поэтому, называя тематические группы болгарских заимствований, следует иметь в виду, что скорее всего заимствовались и обозначаемые ими культурные реалии, с которыми народы края познакомились в ходе контактов с булгарами.

Итак, марийский язык изобилует болгарско-чувашскими заимствованиями, и вопрос об отделении одних от других ещё не решён, а количество болгаризмов в коми и мордовских языках невелико, поэтому для иллюстрации болгарского (более древнего, чем собственно чувашское) влияния на языки и культуру финно-угорских народов наилучшим образом подходят данные удмуртского языка: поздние, собственно чувашско-удмуртские контакты были явно маргинальны и не охватывали всего массива удмуртского языка, следовательно перед нами в подавляющем большинстве случаев заимствования болгарского времени или – самое позднее – заимствования из языка болгарского типа эпохи Казанского ханства. Поскольку, как отмечено выше, влияние болгарского языка было однотипным на все финно-угорские языки, картина, полученная по удмуртским данным, будет вполне репрезентативна и в целом, некоторые особенности, характерные именно для удмуртских болгаризмов, будут оговорены.

Бытовая, техническая и ремесленная терминология представлена немногими не слишком выразительными словами (для экономии места приводятся только значения удмуртских слов): ‘столб’, ‘латунь’, ‘колодка’, ‘тарелка’, ‘кочерга’ – очевидно, в области большинства ремёсел влияние было незначительным. В области металлургии заимствование единично, возможно, потому, что к моменту прихода болгар эта отрасль была уже на достаточно высоком уровне (большинство названий металлов в удмуртском языке иранского происхождения). Впрочем, свою роль может играть и плохая сохранность ремесленной терминологии: например, гончарная лексика в удмуртском языке представлена крайне плохо.

Заметен среди технической терминологии ряд заимствований, относящихся к области гужевого транспорта: ‘дуга’, ‘седло’, ‘дышло’, ‘телега’, ‘ось’, что понятно с точки зрения влияния степного кочевого по происхождению населения на жителей лесной зоны. С другой стороны, однако, наличие большой группы болгаризмов, относящихся к области прядения, ткачества и шитья требует специального объяснения: ‘прялка’, ‘навершие прялки’,

‘прядь кудели’, ‘бердо’, ‘цевка / шпулька’, ‘челнок’, ‘ножницы’, ‘головной платок’, ‘шёлк’, ‘лента’, ‘занавес’, ‘цыновка’.

Набор заимствований в области сельского хозяйства тоже выглядит нетривиально. Помимо названных выше слов, относящихся к гужевому транспорту, из области скотоводства имеются только слова ‘коза’ (его источником может быть, впрочем, и татарский язык) и ‘хлев’ (слово также весьма неясного происхождения). Всё остальное – исключительно земледельческая лексика! Причём, если термины ‘борозда / межа’, ‘постать’, ‘поле’ ещё можно объяснить влиянием поземельных отношений, то ‘вилы’, ‘серп’, ‘ток’, ‘сноп’, ‘солома’, ‘зерно’, ‘стог’ являются уже не более чем обозначениями простых реалий крестьянской жизни. По-видимому, с болгарским влиянием связано и развитие огородничества у предков удмуртов, о чём свидетельствует набор названий для овощных культур: ‘редька’, ‘лук’, ‘капуста’, ‘репа’ (названия большинства других овощей заимствованы в удмуртский ещё позднее из татарского языка, подробнее см. [Напольских 2001]).

В области социально-политической лексики представлены слова: ‘правитель / государь’, ‘гость’, ‘хозяин’, ‘сваха’, ‘враг’, ‘свидетель’, ‘раненый / инвалид’, ‘сосед’, ‘помочь’, ‘налог / сбор’, ‘деньги’. Обращает на себя внимание практическое отсутствие специальных торговых, политических и военных терминов. Довольно богата заимствованная терминология родства, в особенности – свойства: ‘старшая сестра / тётка’, ‘сноха’, ‘свояк / свояченица’, ‘сородич’, ‘деверь’, ‘свояк / зять’, ‘родич по жене’, ‘отчим / мачеха’.

Влияние болгар в области духовной культуры и религии отслеживается в двух аспектах. С одной стороны, предками удмуртов были заимствованы термины, употребляемые в их традиционной народной религии: название весеннего праздника *Акашка*, понятия ‘грех’, ‘обычай’, ‘жертвоприношение предкам’, корень ‘лекарство’, от которого образован глагол ‘лечить’ и название традиционного лекаря – все эти слова имеют собственно тюркское (доисламское) происхождение. С другой стороны, среди болгаризмов в удмуртском имеются и исламские термины, происходящие в конечном счёте из арабского и персидского языка – но в удмуртском они связаны не с религией, а со счётом времени. Это прежде всего слово ‘неделя’ (удм. *arña* ~ мар. *arña* ‘неделя’ ← булг.: чув. *erne* ← перс. *adīne* ‘пятница’ с типичным болгарским переходом *-d- > -r-) и калькированные названия дней недели типа удм. *vir nunal* ‘среда’, букв. ‘день крови’ – ср. чув. *jun kun* ‘среда’, букв. ‘день крови’; со счётом времени связаны удм. (диал.) *imjir* ‘век (срок жизни)’ ← булг.: чув. *ěmĕr* ← араб. *‘umr* ‘тж’ и *uſse* ‘послезавтра’ (см. выше). Пожалуй, единственный вклад болгарской исламской традиции в удмуртскую религиозно-мифологическую терминологию – единично встречающийся в заговорах персонаж *Ашанартна* [Верещагин 2000: 35-36] ← булг.: чув. *aſapatman* ‘тж’ ← араб. *‘aiſa* ‘Айша’ + *fātima* ‘Фатима’ (имена жены и дочери Мухаммеда) [Ашмарин СЧЯ 1-2: 211] – появление -r- на месте араб. -t- отражает, видимо, то же болгарское развитие звука типа *-d-¹⁵.

Таким образом, семантика болгаризмов удмуртского языка вполне укладывается в гипотезу о предполагаемом месте предков удмуртов в составе населения Волжской Булгарии как земледельческого населения, жившего достаточно автономными крестьянскими общинами, отношения которого с государством не предусматривали военной и политической активности и прозелитической деятельности мусульманского духовенства.

Булгарская эпоха оставила свой след и в удмуртской этнонимии. Речь идёт о происхождении самоназвания удмуртоязычной этнографической группы – *бесермян* (удм. *beſermen*). Бесермяне, живущие в северных районах Удмуртии, несмотря на малочисленность и дисперсное расселение, очень чётко отделяют себя от окружающих народов – удмуртов и татар; они говорят на наречии удмуртского языка, которое стоит особняком в системе удмуртских диалектов, сближаясь по разным признакам с северными, южными и в особенности – периферийно-южными диалектами [Кельмаков 1998: 286-304]. Традиционная материальная культура бесермян (прежде всего – традиционная одежда)

указывает на их чрезвычайно тесные связи в прошлом с чувашами [Белицер 1947]. Поэтому, очевидно, не случайно в XVI–XVII веках предков бесермян, живших по р. Чепце, называли в русских документах *чуваши* [Тепляшина 1968]. Некоторые особенности духовной культуры бесермян могут свидетельствовать об их тесных контактах в прошлом с мусульманами или даже о былом исповедании их предками ислама [Wichmann 1893: 167-168].

В русских источниках XIV–XV веков, касающихся территории Волжской Булгарии слово *бесермены* / *бусурмены* обозначало мусульман. Под этим именем неоднократно упоминается отличная от *татар*, *черемисов* (марийцев), *мордвы* группа местного населения, в особенности – некоторых городов (Булгар, Казань, Джукетау). Поскольку под *татарами* русские источники этого времени имеют в виду безусловно мусульманское население, в *бесерменах* (= ‘мусульмане’) следует, по-видимому, видеть не конфессиональную, а этническую группу, скорее всего – каких-то потомков булгар [Тихомиров 1964: 51-56].

Кроме русского языка это имя известно с XIII в. в венгерском (*böszörmény*), где обозначало поселившихся в Венгрии мусульман-исмаилитов среднеазиатского происхождения. Как русское, так и венгерское слово происходят в конечном счёте от персидской формы множественного числа слова ‘мусульмане’, *musulmān*. Возникновение *b-* на месте **m-* объясняется обычным тюркским чередованием *b-* / *m-*; переход же **l > r* несколько более необычен, но, в общем-то, нередок в тюркских языках среднеазиатского ареала: ср., например, диалектные формы типа туркм. *tusurman*, уйгур., казах., кирг. *tusurman* ‘мусульмане’ [ЭСРЯ I: 252; EWU: 137]. Именно в Средней Азии, на территории Хорезма помещает в XIII в. страну *бисерминов* Плато Карпини [Карпини, Рубрук: 50-51, 74]. Проникновение среднеазиатского названия мусульман в Волжскую Булгарию связано, видимо, с обстоятельствами принятия ислама булгарами. Давно замечено, что известный спор Ибн Фадлана с булгарами по поводу двойного произношения местным муэдзином *икамы* [Ибн Фадлан: 134-136] свидетельствует о распространении в Булгарии в начале X в. среднеазиатской ханифитской обрядности [Мухамедшин 2001: 424-425]. По всей вероятности, термин типа **büsürmen* ‘мусульмане’, возникший из перс. *musulmān* в тюркских языках Средней Азии, в Хорезме, попал в Волжскую Булгарию с исламом как минимум в начале X в. и стал обозначать определённую часть местного мусульманского населения, возможно – придерживавшегося старых установок в обрядности, осознававшего себя как потомков «первых» мусульман в стране. Эту этноконфессиональную группу русские в XIV–XV вв. знали под именем *бесермены*. По-видимому, с этими бесерменами в каких-то особых отношениях находилась древнеудмуртская группа – предки удмуртских *бесермян*, вследствие чего они заимствовали самоназвание, определённые черты материальной и духовной культуры и стали – подобно болгарским бесерменам – отличать себя от окружающего одноязычного с ними населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хорошо реконструируются готские формы аккузатива множественного числа на *-ns* в названиях народов. Неясны, однако, весьма странные окончания на *-s* в названиях местностей: с точки зрения готской грамматики следовало бы ожидать форм датива на *-i* или *-n*. Возможно, однако, учитывая в особенности известную несистемность склонения заимствованных существительных в готском языке, что здесь мы имеем дело с застывшими формами локатива на **-s* прибалтийско-финско-мордовских языков; либо эти формы действительно следует переводить как генетивные понимая примерно так: “[из] аунуксовских – весь, [из] абронковских – мерю...” и т. д. Фрагмент списка после слов **Ragos stadjans* пока не поддаётся интерпретации.

2. Для понимания топонима *Аунукс* – ср. ф. *Aunus* (основа *Aunukse-*, локатив: *Aunuksessa*) ‘г. Олонец, Олонецкий край (юго-запад Карелии)’.

3. Данное название пока не представляется возможным связать с каким-либо исторически известным топонимом. Вероятно, речь должна идти о районах исторического проживания мери (Костромская, Ярославская, Ивановская, Владимирская области Российской Федерации), искомым топоним мог существовать в мерянском языке и исчезнуть вместе с последним.

4. Здесь перед нами первое упоминание названия *мордва* – иранского по происхождению экзоэтнонима, никогда (насколько это можно отследить) не служившего оригинальным самоназванием народов, называющих себя *мокша* и *эрзя* (слово *мордва* используется ими как самоназвание при разговоре по-русски, но в самих мокшанском и эрзянском языке, если и используется, то является поздним русским заимствованием). При этом у Иордана (точнее – в готском тексте, который Иордан цитирует) этот этноним употреблён в виде чистой основы *mord-* (*-ens* – готское окончание Асс. Pl.), очень близкой среднеиранскому источнику (ср. перс. *mard* ‘человек’), откуда это слово попало в готский, а затем в конечном счёте – и в древнерусский язык. Именно такой путь заимствования (с допущением возможных неизвестных промежуточных звеньев): иранский → (?) → готский → (?) → древнерусский следует предполагать, в особенности – учитывая отсутствие следов этого этникона в тюркских и финно-угорских языках. Видимо, именно от готов или славян, а не от степняков это название стало известно и в Византии – ср. *Mordía* у Константина Багрянородного (сер. X в.), упоминаемая как опорное (т. е. ранее известное, вписанное не в подвижный степной контекст, а в «нормальную», традиционную географическую номенклатуру) географическое название для локализации одной из пачинакитских (печенежских) фем [Конст. Багр., 37, 42]. Поскольку рассматриваемое слово исторически служило в качестве внешнего собирательного названия по крайней мере двух народов, нельзя исключать, что под *Mordens* Иордана скрывается не только собственно мордва (мокша и эрзя), но и другие этнические группы, населявшие бассейн Оки и её притоков (район, именуемый в списке и известный позднее в русских источниках как *Мещера*) в начале нашей эры.

5. В **Ragos* (моя конъектура для готского текста вместо *Rogas* Иордана) готского текста можно видеть форму Gen. Sing. от **Raga*, которое точно отражает праморд. **Raya* > морд. Э *Rav*, *Ravo* ‘Волга’, и, таким образом, подтверждает этимологию Эрнста Леви, который выводил мордовское название Волги из иранского источника типа авест. *Raṇhā* ‘название мифической реки’, отражённого также в (скифском ?) названии Волги *Ṛā* у Птолемея (цит. по: [Joki 1973: 307]).

6. В русском издании ал-Гарнати приводится форма *ويسو* [ал-Гарнати: 72] – как было показано В. С. Чураковым [Чураков 2001], авторы взяли её не из манускрипта, а из арабского текста испанского издания ал-Гарнати. Автор же испанского издания, С. Дублер оговаривает в примечании, что вместо поставленного им в тексте *вису* (*ويسو*), в манускрипте стоит *ису* (*ايسو*). С. Дублер, делая такую конъектуру, следовал, видимо, принятой традиции, а невнимательное использование его публикации привело к дальнейшему закреплению этой традиции: форма *вису* приписывается ал-Гарнати практически всеми исследователями – со ссылкой на Дублера [Заходер 1967: 61], или со ссылкой на русское издание ал-Гарнати [Göckenjan, Zimonyi 2001: 261].

7. Интересно, что арабско-персидские источники сообщают о торговле с народом *Йура* через посредство сначала *Вису* / *Ису*, которая может быть вепским Белозерьем, частью новгородских земель (о проблеме идентификации см. в тексте). Затем, в XIV в., по новой, полученной в мамлюкском Египте информации (то есть, по сути, из первых рук, так как среди мамлюков были золотордынские кыпчаки, а возможно – и русские), со слов шейха Ала ад-Дина ибн Нугмана, записанных ал-‘Умари [Тизенгаузен 1884: 240-241] – через *Джулман* (*جولمان*), в египетском произношении – *Голман*, то есть в данном случае, видимо, Новгород, *Hólmgarðr* скандинавских саг [Поляк 1964: 35-37]. (В другой теме ал-‘Умари, записанной со слов купца Бадреддина Хасана ар-Руми [Тизенгаузен 1884: 236-239] слово *Джулман* уже

обозначает скорее всего два разных центра – Новгород и какую-то страну в Западной Сибири). Только русским посредством в контактах Булгара с *Йурой* можно объяснить появление формы *يوغرة* (так, согласно конъектуре В. Тизенгаузена, у ал-‘Умари, XIV в. – наиболее точная форма) / *يورہ* / *يورا* – с несомненным звуком *ī* в первом слоге и потерей звука типа *g в ранних источниках: если бы это название попало в болгарский язык из пермского, следовало бы ожидать булг. *jegra / *jögra (← прапермское *jögra > коми *jegra* ‘северные манси и ханты’, удм. *egra* ‘Эгра’, название удмуртского рода [Напольских 1998]), которое было бы передано арабской графикой как * *يغره* (без буквы *vav* и с ясно слышимым *g* в слове с передним вокализмом). Реконструируемое же на базе *يورہ* / *يوغره* булг. *juŕga (с задним вокализмом, слабым *γ и *u во втором слоге) отражает не пермскую форму, а древнерусское *Югра* (которое, в свою очередь, уже заимствовано из прапермского *jögra). На древнерусское происхождение сведений о народе *йура* указывает и повторяющаяся практически во всех арабско-персидских сообщениях о нём живописная тема «немой торговли»: нельзя не заметить здесь параллели с историей о «немой торговле» *Югры* с жителями гор из известного «рассказа Гюряты Роговича» в Лаврентьевской летописи [ПВЛ: 167].

8. Речь идёт об *арских князьях* русских источников, которых трудно отделять от *арских князей* кыпчакского происхождения, имевших свою резиденцию с сер. XV в. в с. Карино современного Слободского р-на Кировской области в пределах Вятской земли [Исхаков 1998: 31-38], в зависимости от которых чепецкие удмурты и бесермяне продолжали оставаться вплоть до второй половины XVI в. [Луппов 1999: 28-29].

9. Сходство вымской культуры с одновременной ей верхнекамской родановской очевидно, и обычно это объясняют их общей ананьинско-гляденовской подосновой, рассматривая вымскую культуру как вырастающую из предшествовавшей ей на той же территории ванвиздинской. Однако, археологическая преемственность не может служить аргументом в решении вопросов этнической истории: такую преемственность можно при желании доказать чуть ли не для любых двух сменяющих друг друга культур. В данном случае принципиальное значение имеют несколько обстоятельств. Во-первых, вымская культура возникает не на всей территории ванвиздинской, а именно на нижней и средней Вычегде, в районах наиболее близких Верхнему Прикамью. Во-вторых, заметно более высокую долю земледелия и скотоводства в укладе носителей вымской культуры в отличие от ванвиздинцев никак не возможно объяснить простой эволюцией хозяйства местного населения: в условиях развития международной пушной торговли как на южном (Волжская Булгария), так и на западном (Новгород) направлении следовало бы ожидать, напротив, охотничьей специализации. Речь должна идти поэтому скорее о приходе на Вычегду более южного населения – носителей иного экономического уклада. В третьих, наконец, предположение о разделении предков коми-зырян и коми-пермяков уже в сер. I тыс. н. э., следующее из археологической гипотезы о носителях вымской культуры как прямых потомках ванвиздинцев, абсолютно противоречит любым возможным лингвистическим датировкам. Сказанное ни в коем случае не означает, что создатели ванвиздинской культуры не были пермянами по языку: скорее всего, они говорили на диалектах пермского праязыка, не оставивших прямых потомков (*парапермских*).

10. В археологической литературе принято разделять чепецкие («поломско-чепецкая культура») и верхнекамские («родановская культура») городища, что объясняется преимущественно разным авторством и различной ведомственной и территориально-административной принадлежностью исследователей, раскапывавших эти памятники (Верхняя Кама – Пермская область, Чепца – Удмуртия, на Верхней Каме копают преимущественно сотрудники Пермского и Удмуртского университетов, на Чепце – Удмуртского института истории, языка и литературы, и т. д.). С исторической точки зрения культурная и социально-экономическая общность этих памятников, образующих единый ареал, существовавших в один ограниченный период, явно связанных с Волжской Булгарией

и по всей вероятности населённых относительно единым в этноязыковом смысле пермским населением несомненна.

11. Об «удмуртской» принадлежности населения чепецких городищ считается возможным говорить потому, что в удмуртской локальной фольклорной традиции эти городища однозначно связываются с именами *удмуртских* богатырей, о которых сохранился ряд преданий (*Иднакар – Идна, Дондыкар – Донды* и т. д.; при этом, правда – что имеет для решения вопросов этнической истории важнейшее значение – ни одно из этих имён не объясняется из удмуртского языка). Данный аргумент, однако, не является достаточным: хорошо известно, что восприятие фольклорной традицией героев иного этнического происхождения как «своих» – абсолютное и всеобщее правило, ср. хотя бы Аттилу-*Атли* в «Старшей Эдде», или Беовульфа у англо-саксов, или нартов у адыго-абхазских народов и т. д. Наилучшим аналогом удмуртской ситуации с богатырями чепецких городищ является, вероятно, восприятие греками классического и постклассического времени, в том числе и дорийцами по происхождению (критянами или спартиотами) – и даже македонцами! – героев гомеровских поэм как «своих», хотя понятно, что исторические прототипы Агамемнона, Менелая и Нестора были правителями городов ахейской Греции, говорившими на языке весьма отличном от классического древнегреческого, да и сами города эти были уничтожены нашествием дорийцев, а население их в значительной своей части превращено в илотов.

12. Название территориальной группы удмуртов, живших в бассейне Чепцы и её притоков в XIX в. *Ватка* является заимствованием из русского языка: рус. *Вятка* (название реки и земли, затем – главного города провинции и губернии) → удм. *Vatka* (обратное заимствование, которое нередко предполагается в местной литературе, совершенно невозможно по фонетическим причинам). Таким образом, удм. *Vatka udmurtjos* ‘чепецкие удмурты-*Ватка*’ означает собственно ‘вятские удмурты, удмурты Вятской земли’.

13. Эти, как и любые другие такого рода подсчёты, естественно, весьма приблизительны: среди предполагаемых в указанной работе болгаризмов имеются и явно ошибочные этимологии. Да и сам предложенный названными авторами критерий нельзя признать правомерным: отсутствие соответствия удмуртскому болгаризму в коми-зырянском языке может объясняться выпадением соответствующего слова в зырянском, заменой его на русское заимствование и т. д. Здесь важно и, несмотря на все «но», остаётся значимым то, что болгаризмов в коми-зырянских диалектах на порядок меньше, чем в удмуртском языке, а в коми-пермяцких диалектах – как минимум в полтора раза больше, чем в коми-зырянских.

14. Вообще, особенности вокализма следует с очень большой осторожностью привлекать как критерии при определении источника и возраста заимствований. Например, аналогичное мордовскому в приведённом примере наличие в горномарийских болгаризмах *a* на месте *o / u* (< *a) чувашского языка (в лугово-марийском – *o*) или горномарийского *ä* на месте *a* (< *ä) чувашского языка (в лугово-марийском – *a*) не обязательно является свидетельством древности заимствований, поскольку аналогичные соответствия встречаются и в словах, имеющих монгольское происхождение, в татарских заимствованиях и даже в тюркизмах, где никогда не было звуков *a и *ä [Róna-Tas 1982: 770-772]! Так же обстоит дело и с *u* в тюркизмах в удмуртском языке на месте тюр. *o и *a: такое соответствие не обязательно указывает на язык-источник чувашского типа, поскольку фонетическое развитие типа *CoCa > *CuCo* имело место в самом удмуртском языке и охватило даже старые русские заимствования.

15. Приводимое обычно как болгаризм слово *keremet* ‘священная роща и дух-хозяин священной рощи’ в удмуртском языке на самом деле является русским словом, которое ещё в начале XX в. использовалось удмуртами при разговоре на русском языке как аналог удм. *луд* ‘священная роща и дух-хозяин священной рощи’, а в русском языке обозначало священную рощу у народов Поволжья (мари, чувашей, удмуртов) и было заимствовано из чув. или мар. *keremet* ← булг. ← араб. *kirāmat* ‘чудо, сверхъестественная сила святого’.

ЛИТЕРАТУРА

- Ал-Гарнати – Путешествие Абу Хамида Ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131 – 1153 гг.). Публикация О. Г. Большакова, А. Л. Монгайта. Москва, 1971.
- Анфертьев А. Н. 1994. [Комментарии к “Гетике” Иордана] // Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I–IV вв.). Сост. Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин. Москва.
- Ашмарин СЧЯ I–XVII – Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. 17 т. Казань – Чебоксары. 1928–1937.
- Белавин А. М. 1990. О раннем этапе болгаро-пермских контактов // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань.
- Белицер В. Н. 1947. К вопросу о происхождении бесермян // Труды Института этнографии. Вып. 1. Москва – Ленинград.
- Белых С. К. 1995. Фактор христианизации в этнической истории пермских народов // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Тезисы докладов и выступлений на международной конференции. Сыктывкар.
- Белых С. К. 1995а. Следы общепермского праязыкового континуума в удмуртском и коми языках // Финно-угроведение, № 2. Йошкар-Ола, 1995. С. 3–17.
- Белых С. К. 1996. Еще раз об этнониме *ар* // Финно-угроведение, № 3. Йошкар-Ола.
- Белых С. К. 1999. К вопросу о локализации прародины пермян // Пермский мир в раннем средневековье (Archaeologica permica, 1). Ред. А. Г. Иванов. Ижевск.
- Верещагин Г. Е. 2000. Этнографические очерки // *Верещагин Г. Е. Собрание сочинений*. Том 3, книга 2, выпуск 1. Ижевск.
- Заходер Б. Н. 1967. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Том II. Булгары, мадьяры, народы севера, печенеги, русы, славяне. Москва.
- Ибн Фадлан – Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.
- Иванов А. Г. 1998. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. Ижевск.
- Иордан – Jordan. *Getica. De origine actibusque Getarum*. Публикация А. Н. Анфертьева // Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I–IV вв.). Сост. Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин. Москва, 1994.
- Исхаков Д. М. 1998. От средневековых татар к татарам нового времени. Казань.
- Казаков Е. П. 1997. Волжская Булгария и финно-угорский мир // *Finno-Ugrica*, №1. Казань.
- Карпини, Рубрук – Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. Книга Марко Поло. Вступ. статья, комментарий М. Б. Горнунга. Москва, 1997.
- Кельмаков В. К. 1998. Краткий курс удмуртской диалектологии. Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография / Удмурт вераськетъёс, 3. Ижевск.
- Коковцов П. К. 1932. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Ленинград.
- Конст. Багр. – Константин Багрянородный. Об управлении империей. Ред. Г. Г. Литаврин, А. П. Новосельцев. Москва, 1991.
- Крыласова Н. Б., Белавин А. М., Ленц Г. Т. 2003. Мусульманский некрополь Рождественского археологического комплекса на р. Обва и проблема средневековых мусульманских кладбищ в Приуралье // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского педуниверситета. Вып. 3. Пермь.
- Ленц Г. Т. 1999. Городище Анюшкар и комплекс средневековых археологических памятников у сел. Кыласова // XIV Уральское археологическое совещание. Челябинск.
- Луппов П. Н. 1999. Христианство у вотяков со времён первых исторических известий о них до XIX века. Ижевск.

- Мокшин Н. Ф. 1991. Тайны мордовских имён. Исторический ономастикон мордовского народа. Саранск.
- Мухамедшин Р. М. 2001. Религия // Татары. Ред. Р. К. Уразманова, С. В. Чешко. Москва.
- Напольских В. В., Белых С. К. 1994. Этноним *удмурт*: исчерпаны ли альтернативы? // *Linguistica Uralica*. Т. 30, №4. Tallinn.
- Напольских В. В. 1998. О происхождении названия *Югра* // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума). Том 2. Ред. Гемуев И. Н. Новосибирск.
- Напольских В. В. 2001. Нетривиальные тюркизмы в удмуртском. III. туй. IV. *кӧжы* // *Linguistica uralica*. Т. 37:1. Tallinn.
- Насибуллин Р. Ш. 1992. Булгаризмы и их отношение к вопросу о времени распада общепермской языковой общности // *Вордскем кыл*. № 2. Ижевск.
- Никитина Т. Б. 1996. К вопросу об истоках марийского этноса // *Финно-угроведение*. № 2. Йошкар-Ола.
- Пархимович С. Г. 1991. О контактах населения Нижнего Приобья и Северного Приуралья в начале II тысячелетия н.э. // *Вопросы археологии Урала*. Вып. 20. Екатеринбург.
- ПВЛ I–II – Повесть временных лет. Т. 1–2. СПб., 1996.
- Поляк А. Н. 1964. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // *Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы*. Т. 1. Москва.
- Рашид ад-Дин – Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.–Л., 1941.
- Савельева Э. А. 1985. Этногенез коми-зырян (по данным археологии) // *Проблемы этногенеза народа коми*. Сыктывкар.
- Таликций М. В. 1941. К этногенезу коми // *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*, 9. Москва.
- Тепляшина Т. И. 1968. О смешении терминов “чуваши” и “бесермяне” в письменных источниках // *Учёные записки Чувашского НИИ ИЯЛ*. Вып. 40. Чебоксары.
- Тизенгаузен В. 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том I. Извлечения из сочинений арабских. Санкт-Петербург.
- Тихомиров М. Н. 1964. Бесермены в русских источниках // *Исследования по отечественному источниковедению (Труды Ленинградского отделения Института истории АН СССР. Том 7)*. Москва–Ленинград.
- Хенниг Р. 1961. Неведомые земли. Т. 2. Москва.
- Хлебникова Т. А. 1984. Керамика памятников Волжской Булгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. Москва.
- Чураков В. С. 2001. Возвращаясь к известиям Абу Хамида ал-Гарнати о народах севера // *Проблемы экономической и социально-политической истории Удмуртии*. Ижевск.
- ЭСРЯ I–IV. – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачёва. Москва.
- EWU – *Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen*. Hrsg. von L. Benkő. Budapest, 1993-1994.
- Göckenjan H., Zimonyi I. 2001. Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter. Die Ġayhānī-Tradition / *Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica*, 54. Wiesbaden.
- Gombocz Z. 1912. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache / *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, 30. Helsinki.
- Joki A. J. 1973. Uralier und Indogermanen / *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. Vol. 151. Helsinki.
- Paasonen H. 1897. Die türkischen Lehnwörter im Mordwinischen // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*, 15. Helsinki.

Räsänen M. 1920. Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 48. Helsinki.

Räsänen M. 1969. Versuch eines etymologischen Wörterbuch der Türksprachen. Helsinki.

Rédei K., Róna-Tas A. 1972. A permi nyelvek ős-permi korai bolgár-t or ok j ovetényiszavai // Nyelvtudományi közlemények. K. ot. 74:2. Budapest.

Rédei K., Róna-Tas A. 1975. A bolgár-t or ok-permi érintkezések néhány kérdése // Nyelvtudományi közlemények. K. ot. 77:1. Budapest.

Rédei K., Róna-Tas A. 1982. Proto-Permian and Votyak loan-words in Chuvash // Studies in Chuvash etymology. Ed. by A.Róna-Tas / Studia Uralo-Altaica. T. 17. Szeged.

Róna-Tas A. 1982. Turkic influence on the Uralic languages // The Uralic languages. Description, history and foreign influences. Ed. by D. Sinor. Leiden – New York – København – Köln.

Wichmann Y. 1893. Wotjakische Sprachproben. III // Journal de la Société Finno-Ougrienne, 11. Helsinki.

Wichmann Y. 1903. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 21. Helsinki.